

Научная статья

УДК 398.54

Койгун-Хам: образ зайца в шаманских представлениях тувинцев

Кызыл-Маадыр А. Симчит

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, кандидат филологических наук, заведующий сектором словарей, Кызыл, Республика Тыва, Российская Федерация, kmsimchit@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается образ зайца в связи с шаманскими представлениями тувинцев. В шаманизме многие представители животного мира выступают помощниками (гонцами, посыльными) шамана (тув. эдеринчи, шапкынчы). При проведении специального обряда, к некоторым из них, помогающим шаману осуществить поставленные задачи, он обращается с песнопением (тув. алгышом). Заяц в целом в духовной культуре тувинцев выступает в разных ипостасях. Он один из главных шаманских животных. Зайцу также посвящаются специальные песнопения (тув. алгыши). В шаманизме, кроме веры в самого шамана и его духовных помощников, большое место занимает вера в магическую силу фетишизированных атрибутов (тув. ээрен).

Ключевые слова: образ зайца в тувинском шаманизме, шаманские представления, этимология, фетишизированный атрибут, фольклорный персонаж, лингвокультурология, постшаманские интерпретации

Для цитирования: Симчит К-М.А. «Койгун-Хам: образ зайца в шаманских представлениях тувинцев» // Азиатские исследования: история и современность. 2023. №1 (5). С. 128-139. DOI: 24412/2782-6139-2023-5-128-139

Koigun-Ham: The Image of a Hare in the Shamanic Representations of Tuvans

Kyzyl-Maadyr A. Simchit

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research, Cand. Sci. (Philology), Head of the Dictionary Sector, Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation, kmsimchit@mail.ru

Abstract. The article considers the image of a hare in connection with the shamanic beliefs of the Tuvans. Many representatives of the animal world in shamanism act as assistants (messengers) of shamans (tuv. ederinci, shapkynchy). Shamans during a special ceremony addresses some of them with a chant (tuv. algysh) to receive their help in completing tasks. The hare appears in different guises

in the spiritual culture of the Tuvans. He is one of the main shamanic animals. Special *algysh* is also dedicated to the hare. In shamanism, in addition to faith in a shaman himself and his spiritual assistants, there is a faith in the magical power of fetishized attributes (tuv. *eeren*).

Keywords: the image of the hare in Tuvan shamanism, shamanic beliefs, etymology, fetishized attribute, folklore character, linguoculturology, post-Shamanic interpretations

For citation: Simchit, K.-M. A. (2023), "Koigun-Ham: The Image of a Hare in the Shamanic Representations of Tuvans" // Asian Studies: History and Modernity, no.1 (5), p. 128-139. DOI: 24412/2782-6139-2023-5-128-139

Введение

Заяц – популярный почти у всех народов, в том числе и у тувинцев, фольклорный персонаж. У тувинцев имеется много примеров устного народного творчества, в которых главным героем или одним из них, в том или ином качестве выступает заяц. Целью статьи является раскрытие образа зайца в связи с мифологическими и шаманскими представлениями тувинцев. Автор ставил следующие задачи: расширение этимологических исследований слов, связанных с рассматриваемым персонажем, с привлечением новых лексических материалов, а также осмысление и освоение новых методов и методик, таких, как привлечение данных ареальной лингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии. В наши дни поиск новых методов, методик и приёмов анализа, оснащающих этимологические исследования, является актуальным направлением. Этимологические исследования немыслимы без обращения к этимологическим словарям. Они имеются не только по языковым семьям, такие как «Этимологический словарь тюркских языков» (далее – ЭСТЯ V)¹ и «Этимологический словарь монгольских языков» (далее – ЭСМЯ I² и ЭСМЯ III³), но у многих языков, в том числе у тувинского языка (далее – ЭСТувЯ III)⁴, хоть не в завершённом состоянии. В редких случаях, при отсутствии в различных словарях лексического материала, в качестве источника могут выступать фундаментальные лексикологические труды, такие как «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (далее – СИГТЯ). В качестве примеров по языковым материалам привлекались академические

¹ ЭСТЯ V – Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и междутуркские лексические основы на буквы «К», «Қ». М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.

² ЭСМЯ I – Санжеев, Г. Д., Орловская, М. Н., Шевернина, З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3-х т. / Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015.

³ ЭСМЯ III – Санжеев, Г. Д., Орловская, М. Н., Шевернина, З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3-х т. / Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2018. Т. III. Q-Z. 240 с.

⁴ ЭСТувЯ III – Этимологический словарь тувинского языка / Б. И. Татаринцев. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 3. К-Л. 440 с.

словари по отдельным языкам, такие как «Большой академический монгольско-русский словарь» (далее – БАМРС IV)⁵. Шаманский контекст при анализе опирается на сборник шаманских песнопений «Алгыши тувинских шаманов» (тув. Тыва хамнарның алгыштары), собранных известным исследователем тувинского шаманизма М.Б. Кенин-Лопсаном [Кенин-Лопсан 1992]. Но многие аспекты все ещё остаются вне рамок исследований. Требуется привлечение данных лингвокультурологии, межкультурной коммуникации. Как показывает анализ, не все задачи выполнимы на сегодняшний день сразу, и где это пока невозможно, мы ставим задачу для будущих исследований.

Этимологический аспект

Для обозначения зайца (с его биологическими подвидами) в тувинском языке употребляются следующие слова: *кодан*, *койгун* и *тоолай*. Вариант обозначения зайца типа *тавишан* (тавышкан, тавушкан, тавшан, довшан, товшан) [СИГТЯ 1997, 164], широко распространённый в западных (кыпчакских) тюркских языках, в тувинском языке отсутствует. Вместе с тем в тувинской антропонимике мы обнаружили имя (ныне это фамилия) *Тапышпан*, обнаруживающий формальное сходство с кыпчакскими названиями зайца. Мы не касаемся тут разнообразных метафорических обозначений зайца в тувинском языке, типа *узун кулактыг* и др. Если первые два (*кодан* и *койгун*) выступают часто как синонимы, то последнее обозначает несколько другой биологический вид зайцев – степной, хотя для многих современных носителей тувинского языка они равнозначно взаимозаменяемы. Их эквиваленты в русском языке также имеются. При своем анализе обобщённо будем называть далее их всех одним словом «заяц».

Первые два (*кодан* и *койгун*) рассмотрены автором «Этимологического словаря тувинского языка» Б. И. Татаринцевым в соответствующих статьях [ЭСтувЯ III, с.169, с.178]; они также приводятся в статье «Этимологического словаря тюркских языков» [ЭСТЯ V, с. 28-29]. При приведённых разнообразных вариантах этимологических версий у первого варианта – *кодан*, общепринятая этимология отсутствует [ЭСтувЯ III, с. 169-171].

Второй вариант – *койгун*, по мнению автора, является специфичным для тувинского языка словом, родственным с тув. *хоюган* ‘пугливый’ [ЭСтувЯ III, с.178]. Данная версия этимологизации достаточно понятна, и, как нам кажется, вполне приемлема.

⁵ БАМРС IV – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т.IV. X-Я. 497 с.

По объективным причинам Б. И. Татаринцев не успел рассмотреть последнее слово – *тоолай*. Этимология слова “тоолай”, как нам кажется, достаточно прозрачна и, безусловно, монгольского происхождения, в котором данное слово имеет форму *туулай* (калм. *туула*, стп.-монг. *taulai* ‘заяц’, бурят. *туулай* ‘заяц-беляк’) с близкими значениями [ЭСМЯ III, с. 157].

Образ зайца в шаманских представлениях тувинцев

В шаманизме многие представители животного мира не физически, конечно, а в духовном плане выступают помощниками (гонцами, посыльными, спутниками) шамана (тув. *эдеринчи*, *шапкынчы*). При проведении специального обряда, к некоторым из них, помогающим шаману осуществить поставленные задачи, он обращается с песнопением (тув. алгышом).

Несмотря на то, что заяц в целом в духовной культуре тувинцев выступает в разных качествах (ипостасях), нам кажется, он – один из главных шаманских животных. Зайцу также посвящаются специальные алгыши, например, в сборнике тувинских шаманских песнопений, собранного известным шамановедом М. Б. Кенин-Лопсаном «Алгыши шамана с берегов реки Каргы в Монгун-Тайге, обращённые зайчику» (Мөңгүн-Тайганың Каргы хем хамының коданны алганганы [Кенин-Лопсан 1992, с. 129]. Характерно, что формальным показателем подобных алгышей является своеобразное звукоподражание *доот-доот* в конце каждой строки: *Аргада мен. Доот. Доот. / Арыгда мен. Доот. Доот. / Ак-ла кодан. Доот. Доот. / Адым чараш. Доот. Доот.* В авторском, т.е. в переводе М. Б. Кенин-Лопсана: «Я нахожусь в лесу. Доот. Доот. / Я бываю в ложбине. Доот. Доот. / Я совсем белый Доот. Доот. / Звучно моё имя. Доот. Доот.»

Не каждому представителю животного мира шаманы посвящают ‘персональный’ алгыш. Почему шаманы ‘полюбили’ простого зайца? В чем его особенность? Как нам представляется, характерной особенностью зайцев является способность учуять начало незаметного веяния долгожданного тепла ранней весной после долгой и лютой зимы и известить об этом всех живых существ вокруг перестуком лап, издали чем-то напоминающим удары в шаманский бубен. Возможно именно из-за этого зайцу тувинцы приписывают шаманские особенности (дар). Хотя на самом деле, как установили учёные-зоологи, данный перезвон – это своеобразный вид коммуникации, связанный с продолжением рода.

Данная способность затрагивается в популярной тувинской детской песенке «Койгунак» («Зайчонок», музыка Р. Д. Кенденбиля, слова Ю. Ш. Кюнзегеша): *Шатта харның эриирин / Шала часкаар эндевес ...*, в переводе «Чует ранней весной таяние снега в горах ...».

Кроме «Зайчонка» стоит упомянуть и известный 1980-е гг. детский образный танец «Койгун-Хам» («Заяц-шаман», музыка К.-К. О. Ооржака, слова Б. Ч. Ондара) в постановке Р. А. Монгуш, педагога-хореографа Республиканской школы искусств в рамках школьной программы предмета «Ритмика и танец». Современный тувинский читатель знакомится и с другими произведениями, раскрывающими образ зайца с той или иной стороны. Например, в 2022 году Тувинское книжное издательство им. Ю. Кюнзегеша выпустило книжку для детей и их родителей писателя Э. Л. Донгака «Заяц-Шаман», написанную по мотивам и в духе народных сказок [Донгак 2022]. Эти образы и мотивы можно обозначить как циркум, или постшаманские интерпретации.

В шаманизме, кроме веры в самого шамана и его духовных помощников, большое место занимает вера в магическую силу своеобразных, специфических фетишей, или фетишизированных атрибутов (тув. ээрен), своеобразных оберегов. Надо сказать, что шаманский термин ээрен – пока не имеет своей надежной общепринятой этимологии.

Заячий фетиш «Ак-ээрен»

С объектом нашего исследования, с зайцем, с образом койгун-хама, напрямую связан фетишизированный атрибут Ак-ээрен. Синонимичным названием данного фетиша иногда может выступить сочетание *Койгун-ээрен*. В сборнике алгышей М. Б. Кенин-Лопсана также имеется несколько алгышей, посвящённых данному фетишу: например, «Алгыши шаманки Кыс-Хам, обращённые к духу Ак» (Улуг-Хемниң Ыжымге чурттап чораан Кыс-Хам деп кадай хамның Ак ээренни алганган алгыжы) [Кенин-Лопсан 1992, с. 117], «Алгыши шамана Тулуша Ака, обращённые к духу Ак» (Түлүш Ак хамның Ак ээренни алганганы) [Кенин-Лопсан 1992, с. 118].

Ак-ээрен – это просто выделанная целая шкура зайца, добытого зимой, когда они белые. Возможно, из-за этого мотивированного признака данный фетиш называется Ак, т.е. белым. В литературе встречается относительно детальные описания внешнего вида данного фетиша: вместо глаз вставлены бусинки или пуговицы синего цвета, к ушам, лапам и хвосту привязаны ритуальные ленточки *чалама* и т.д.

Но здесь автор хочет поделиться сведениями из своего личного опыта. В родительском домике на чердаке до сих пор висит простая белая шкура зайца без всяких аксессуаров, снятая целиком. Правда, сильно истрепавшаяся от времени. Так как заяц посредством звуков, похожих на удары в бубен, извещает о своем своеобразном даре, то, соответственно, верующие убеждены, что дар шаманский может действовать даже через атрибуты, в данном случае – через шкуру этого животного. Главная функция данного фетиша – защитная, оберегательная, а, по некоторым сведениям, ещё и лечебная. Если защитная функция (с статусом оберега) понятна, то о лечебной стороне рассматриваемого фетиша информация достаточно противоречивая. М. Б. Кенин-Лопсан пишет, что *Ак-ээрэн* предназначен для того, чтобы охранять род племени. Его главная функция – лечение бесплодия. Возможно, это другая, вторая важная причина почитания зайца тувинскими шаманами. По шаманским представлениям, «дух Белый» побеждает болезнь ниже пояса. Он способен вылечивать ревматизм ног, болезнь мочевого пузыря, опухоль берцовой кости [Кенин-Лопсан 1997, 36]. В то время, как по хакасским представлениям, самой распространённой карой фетиша (*Хозан тös*) было причинение сильнейшей боли в спине и чаще – в области поясницы, лопаток и др. [Бурнаков 2017, с. 40].

Например, у тех же хакасов *Хозан тös* – достаточно популярный культовый фетиш. Возможно, культ изначально возник (или получил дальнейшее развитие) у хакасов. Согласно мифологическим представлениям хакасов *Хозан* или *Ах тös* изначально считался духом-покровителем лишь качинского рода Пүрүт. В дальнейшем, посредством заключения брачных союзов этот фетиш получил повсеместное распространение у хакасов [Бурнаков 2017, с. 38].

В культуре хакасов образу зайца, как мы полагаем, придавалось большое значение. Возможно, потому, что многие из данных представлений, хронологически рано зафиксированы и, таким образом, более детально описаны. Кроме того, версия возможного хакасского происхождения данного фетиша усиливается тем, что во многих тувинских алгышах, посвящённых зайцу, обязательно наличие строк «*Хоорайдан хойдуккан*»: «*Хоорайдан Хойдукканым. / Хоор аскыр кокпазынга / Хона дүжүп келгеним аар*». В переводе М. Б. Кенин-Лопсана: «Ты самовольно попрощался с Городом, сидя на спине каурого жеребца». Напомним, что еще со времен экспедиции в Туву Н. Ф. Катанова (1889 г.) известно, что топоним Хоорай у тувинцев – историческое обозначение города Минусинск. Кстати, в устном народном творчестве хакасов зафиксированы иные версии об изначальном появлении у них заячьего

фетиша. В частности, было распространено повествование о том, что некогда Хозан тös был бурятским божком, а его непосредственной прародиной, соответственно, была Бурятия [Бурнаков 2017, с. 43]. Проблема генезиса данного культа ещё не раскрыта.

Анализ символики белого зайца в традиционной культуре тувинцев мы находим в статье «Символика белого зайца и медведицы в традиционной культуре тувинцев» Л. К. Хертек. Статья, как и предыдущая статья исследователей по хакасским мифологическим представлениям В. А. Бурнакова и Д. Ц. Цыденовой (Хозан тös ...), интересна широтой и глубиной охвата анализируемого материала, она существенно расширяет наши представления [Хертек 2008, с. 97-100].

Кроме самой заячьей шкуры на сегодняшний день некоторые тувинские шаманы используют в своих обрядовых действиях и их лапы (наподобие медвежьих). Ритуальное использование частей тела (мощей) даже для несведущих – не новость. Использование заячьих лап – это предававшаяся забвению сакральная, глубокая традиция или современное инновационное заимствование извне? Пока не ясно. Например, интересные сведения, связанные с нашей темой, мы находим в статье «Погребение Матта в Центральной Якутии: опыт интерпретации обряда с заячьей лапкой» якутских коллег К. А. Пестеревой, А. Д. Степанова, В. М. Дьяконова [Пестерева 2016]. Возможно, применение лап у тувинцев (хакасов) связано с другими обрядами (лечебными, очистительными) и не связано с оберегательной функцией заячьего фетиша.

«Оседланные зайцы»

С зайцами связан также один интересный мотив, близкий к исследуемой теме: зайцы в качестве ездовых животных. Так, в сказке «Вечные люди и живая вода» из сборника тофаларских сказок «Сказки и сказочники Тофаларии» рассказывается о маленьких вечных людях, которые ездят на оседланных зайцах [Шерхунаев 1977, с. 288]. Похожими сведениями про маленьких людей (на местном диалекте – *Бадакшаан*), мы познакомились во время экспедиции в с. Кунгуртуг (Тере-Хольский кожуун Республики Тыва) в 2008 году [Симчит 2010]. Тогда сведений об их связи с зайцами (оседланными зайцами) не обнаружили, хотя, возможно, они у них имеются.

Сведения про «оседланных зайцев» обнаруживаем также у бурят. Так, в монографии бурятских исследователей Б. З. Нанзатова, Д. А. Николаевой, М. М. Содномпиловой, О. А. Шагдановой «Пространство в традиционной культуре монгольских народов» упоминается бурятское

выражение «онгон шандагата», которое обозначает один из атрибутов шаманского культа и представляет собой изображение духа-покровителя, изготовленного из шкуры зайца. Когда-то он был посвящён женскому духу. Дословно название онгона переводится как «имеющая зайца в качестве ездового животного» [Пространство 2008, с.13].

Мотив осёдланных зайцев имеется и у алтайцев. В алтайском героическом сказании «Тойбон-Кёё» упомянуто о том, что с коленную чашку мальчик ездил верхом на лесном белом зайце [Тойбон-Кёё 2018, с. 547]. Как видим, в целом, оседланные (ездовые) зайцы – это отдельная и достаточно интересная тема для исследований.

Заяц в мифологической (духовной) культуре

Заяц достаточно популярное животное в мировой мифологической (духовной) культуре. Достаточно упомянуть лунного нефритового зайца бессмертия «Юэ Ту» («лунный заяц») из китайской мифологии [Юань 1987, с. 158]. Хотя у тувинского зайца не обнаружены какие-либо «китайские» особенности, но все же, возможно, китайское влияние прослеживается во вхождении зайца (кролика) в животный календарь из 12 циклов, где он четвертое по счёту животное-покровитель. Тувинское название года, соответственно – *Тоолай чылы* «год Кролика». Данный календарь достаточно активно входит в духовную жизнь тувинцев, в том числе придерживающихся шаманской традиции. В этом календарном контексте тувинцы в большей степени обращаются к варианту *тоолай*. Ещё один момент – как отметили выше, тувинский *тоолай* – это монгольский *туулай*, разделяющийся, без сомнения, на две части: *туу-лай*. Не имеет ли какую-либо связь первая часть *туу-* с китайским обозначением зайца (кит. 兔 *tù*). Вопрос остается открытым.

Отметим, что для обозначения зайца в монгольских языках имеется другое слово – *чандага* (бурят. *шандаган* ‘заяц-русак’, калм. *чиндһн* ‘кролик’, стп.-монг. *čindayān* ‘заяц-беляк’) [ЭСМЯ I, с.145].

В завершение, следует упомянуть персонаж *коңгумай* (*коңгувай*) из тувинских народных сказок. Как толкует составитель академического сборника «Тувинские народные сказки» видный фольклорист З. Б. Самдан, *коңгумай* – презрительное иносказательное выражение, обозначающее человека, чаще встречается в сказках о животных; человек в восприятии животных, с длинными конечностями круглой головой глубоко впалыми глазами [ТНС 1994, с.435].

Коңгумай, как мы предполагаем, в дальнейшем при устной передаче трансформировался в *койгунмай*, в основе которого имеется компонент

койгун, хотя в самом образе (*Коңгувая*) в целом или в его атрибутах ничего заячьего не просматривается. Возможно, это чисто тувинское народное осмысление, адаптация, своеобразная игра слов (контаминация). Особенно это ярко видно по сказке «Лесной заяц-беляк» [ТНС 1994, с.393]. От *Койгунмай*, в свою очередь, образовался равнозначный вариант *Коданмай*. Надо сказать, что оба варианта широко употребляются в качестве тувинских фамилий. При этом предполагаемый вариант **Тоолаймай* отсутствует. Не вызывает возражения версия о том, что конгумай – фонетическая адаптация монгольского названия тибетского персонажа *Хохимой* (монг. ‘череп; мертвая голова; сухой; высохший’) [БАМРС IV, с. 120].

Заключение

Таким образом, главное отличие отношения к зайцу в шаманском аспекте, например от бытовых, народных, детских сказок – это почтительное отношение к нему, казалось бы, не слишком выдающемуся существу в животном мире.

Возможно, в основе почтительности лежит не только схожесть издаваемых звуков, но и то, что зайца по сравнению с другими объектами охоты было легче добыть простому человеку, даже подростку. Например, при отсутствии технических средств охоты, таких как ружье или лук, их ловили простыми силками (тув. *тузак*), благодаря чему выживали в суровые времена.

Других значений типа ‘безбилетник’ или ‘солнечный зайчик’, связанных со словом заяц, в тувинском языке не имеется.

Литература:

1. Бурнаков 2017 – Бурнаков, В. А., Цыденова, Д. Ц. Хозан төс – заячий фетиш в мифологических представлениях и обрядности хакасов (конец XIX – середина XX в.) // Вестник ТомГУ. Томск: Томский гос. ун-т, № 417. Апрель. 220 с.
2. Шерхунаев 1977 – Вечные люди и живая вода // “Сказки и сказочники Тофаларии” / Сост. Р.А. Шерхунаев. Кызыл, 324 с.
3. Донгак 2022 – Донгак, Э. Л. Заяц-шаман (Койгун-Хам): Сказка для взрослых и детей. Кызыл: ТКИ им. Ю.Ш.Кюнзегеша, 32 с.
4. Кенин-Лопсан 1992 – Кенин-Лопсан, М. Б. Алгыши тувинских шаманов (Тыва хамнарның алгыштары). Кызыл, 224 с.
5. Кенин-Лопсан 1996 – Кенин-Лопсан, М. Б. Проблемы этнографического изучения тувинского шаманизма. По материалам шаманского фольклора: автореф. дис. ... доктора исторических наук: 07.00.07 / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Санкт-Петербург, 53 с.
6. Пестерева 2016 – Пестерева, К. А., Степанов, А. Д., Дьяконов, В. М. “Погребение Матта в Центральной Якутии: опыт интерпретации обряда с заячьей лапкой” //

Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. 348 с.

7. Пространство 2008 – Пространство в традиционной культуре монгольских народов // Б. З. Нанзатов, Д. А. Николаева, М. М. Содномпилова, О. А. Шагданова; ИМБТ СО РАН. М.: Вост. лит., 2008. 341 с.

8. Симчит 2010 – Симчит, К.-М. А. Бадакшаан – тувинский гном // Этно: литературоведение и литературное обозрение: перспективы и приоритеты: материалы регион. науч. симпозиума с междунар. участием, посвящ. 75-летию проф. С. Ж. Балданова. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2010. Ч. 1. 304 с.

9. СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997, 800 с.

10. Тойбон-Кёё 2018 – Тойбон-Кёё / Алтайские богатыри. Том IV серии «Памятники эпического наследия Алтая» // Подготовка, переводы текстов, примечания к алтайским текстам, комментарии к русским переводам, составление словаря выполнены М. А. Демчиновой. Горно-Алтайск, 2018. 608 с.

11. ТНС 1994 – Тувинские народные сказки // Сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 1994. 460 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

12. Хертек 2008 – Хертек, Л. К. Символика белого зайца и медведицы в традиционной культуре тувинцев // Вестник МГУКИ. №6, 2008. С. 97-100.

13. Юань 1987 – Юань Кэ. Мифы древнего Китая. Пер. с кит. Послесловие Б. Л. Рифтина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. 527 с.

Словари:

1. БАМРС IV – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. IV. X-Я. 497 с.

2. ЭСМЯ I – Санжеев, Г. Д., Орловская, М. Н., Шевернина, З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3-х т. / Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. Т. I. А-Е. 224 с.

3. ЭСМЯ III – Санжеев, Г. Д., Орловская, М. Н., Шевернина, З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3-х т. / Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2018. Т. III. Q-Z. 240 с.

4. ЭСТУВЯ III – Этимологический словарь тувинского языка / Б. И. Татаринцев. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 3. К-Л. 440 с.

5. ЭСТЯ V – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». М.: Языки русской культуры, 1997. 368 с.

References:

1. Burnakov, V. A., Tsydenova, D. Ts. (2017), “Khozan töс – zaiachii fetish v mifologicheskikh predstavleniiakh i obriadnosti khakasov (konets XIX – seredina XX v.)” [Khozan töс – Hare Fetish in Mythological Representations and Rituals of Khakas (Late XIX - mid XX century)], Bulletin of Tomsk State University of 2017, Tomsk, № 417. April, 220 p. (In Russ.).

2. “Vechnye liudi i zhivaia voda” // “Skazki i skazochniki Tofalarii” [“Eternal People and Living Water”], Tales and storytellers of Tofalaria, Comp. by R.A. Sherkhunaev, Kyzyl, 19776, 324 p. (In Russ.).

3. Dongak, E. L. (2022), “Zaiats-shaman (Koigun-Kham): Skazka dlia vzroslykh i detei” [Hare Shaman (Koigun Ham): A Tale for Adults and Children], Kyzyl, 2022, 32 p. (In Tuv.).

4. Kenin-Lopsan, M. B. (1992), "Algyshi tuvinskikh shamanov (Tyva khamnarnyng algyshтары)" [Algysh Tuvan shamans], Kyzyl, 224 p. (In Tuv.).
5. Kenin-Lopsan, M. B. (1996), "Problemy etnograficheskogo izucheniia tuvinskogo shamanizma. Po materialam shamanskogo fol'klora" [Problems of ethnographic study of Tuvan shamanism. Based on materials from shamanic folklore], Abstract of the dissertation of the Doctor of Historical Sciences: 07.00.07, Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great, Sankt-Peterburg, 53 p. (In Russ.).
6. Pestereva, K. A., Stepanov, A. D., D'iakonov, V. M. (2016), "Pogrebenie Matta v Tsentral'noi Iakutii: opyt interpretatsii obriada s zaiach'ei lapkoi" [The Burial of Matt in Central Yakutia: the Experience of Interpreting the Rite with a Hare's foot], Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: materials of the VII International Scientific Conference, in 2 volumes. vol. 1, ed. by P. V. Mandryka, Krasnoiarsk, 2016, 348 p. (In Russ.).
7. "Prostranstvo v traditsionnoi kul'ture mongol'skikh narodov" [Space in the traditional culture of the Mongolian peoples], B. Z. Nanzatov, D. A. Nikolaeva, M. M. Sodnompilova, O. A. Shagdanova; IMBT SO RAN, Moscow, 2008, 341 p. (In Russ.).
8. Simchit, K-M. A. (2010), "Badakshaan – tuvinskii gnom" [Badakshaan – a Tuvan gnome], Etno: Literary Criticism and Literary Review: Prospects and Priorities, Materials of the Regional Scientific Symposium with International Participation dedicated to the 75th anniversary of Prof. Baldanov, Ulan-Ude, 2010, Ch.1, 304 p. (In Russ.).
9. "Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika" [Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages. Vocabulary], Moscow, Nauka, 1997, 800 p. (In Russ.).
10. "Toibon-Kee" / Altaiskie bogatyri [Toibon-Kee, Altai Bogatyrs], Volume IV of the series "Monuments of the Epic Heritage of Altai", Preparation, translations of texts, notes to Altaic texts, comments to Russian translations, compilation of the dictionary were made by M.A. Demchinova, Gorno-Altai, 2018, 608 p. (In Alt., Russ.).
11. "Tuvinskie narodnye skazki" [Tuvan Folk Tales], Folklore monuments of the peoples of Siberia and the Far East, Comp. by Z. Samdan, Novosibirsk, Nauka, 1994, 460 p. (In Tuv., Russ.).
12. Khertek, L. K. (2008), "Simvolika belogo zaitsa i medveditsy v traditsionnoi kul'ture tuvintsev" [The Symbolism of the white hare and the bear in the Traditional culture of Tuvans], Bulletin of MGUKI, №6, Moscow, p. 97-100 (In Russ.).
13. Iuan' Ke (1987), "Mify drevnego Kitaia" [Myths of Ancient China], Translated from Chinese. Afterword by B. L. Riftin, Moscow, Nauka, 527 p. (In Russ.).

Dictionaries:

1. Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary], in 4 volumes, ed. by G. Ts. Piurbeev, Moscow, Academia, 2002, Vol.IV. Kh-Ia, 497 p. (In Mon., Russ.).
2. Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N., Shevernina, Z. V. (2015) "Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov" [Etymological Dictionary of Mongolian Languages], In 3 volumes, editor-in-chief G. D. Sanzheev, Moscow, 2015, Vol.I. A-E. 224 p. (In Mon., Russ.).
3. Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N., Shevernina, Z. V. (2018) "Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov" [Etymological Dictionary of Mongolian Languages], In 3 volumes, editor-in-chief G. D. Sanzheev, Moscow, 2018, Vol.III. A-E. 240 p. (In Mon., Russ.).
4. "Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka" [Etymological Dictionary of the Tuvan Language], Compiler of the collection B. I. Tatarintsev, Novosibirsk, Nauka, 2004, Vol.3. K-L.440 p. (In Tuv., Russ.).

5. "Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie leksicheskie osnovy na bukvy «K», «K»" [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and inter-Turkic lexical bases on the letter "K", "K"], Moscow, 1997, 368 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Кызыл-Маадыр А. Симчит, кандидат филологических наук, заведующий сектором словарей, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Республика Тыва, Российская Федерация, 667000, Российская Федерация, Кызыл, ул. Кочетова, д.4, kmsimchit@mail.ru
РИНЦ ID: 967502

Information about the author:

Kyzyl-Maadyr A. Simchit, Cand. Sci. (Philology), Head of the Dictionary Sector, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research, Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation, 667000, Russian Federation, Kyzyl, Kochetov str., 4, kmsimchit@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0843-9985

© Симчит К-М.А., 2023
